

АЗБУКОВНИК СЕРГИЯ ШЕЛОНИНА И ПОЛЕМИЧЕСКАЯ ТЕТРАДЬ В ЕГО СОСТАВЕ

К вопросу об отношении к реформе патриарха Никона
в Соловецком монастыре

Древнерусская лексикография и Соловецкий Азбуковник

Азбуковники — достаточно поздний жанр, зародившийся в середине XVI в. в результате обобщения лексикографического материала, традиционно фиксировавшегося в статьях словарей-ономастиконов, словарей символов (Приточкиники, толкования символики Псалтири), словарях славяно-русских (например, к тексту Лествицы), словарях-разговорниках («Речь тонкословия греческого»). Активизация словарных работ и собственно появление Азбуковников именно в XVI в. обусловлены вступлением русского языка в фазу национального развития, а также политическим и культурным подъемом Руси. Новый, критический подход к тексту создал необходимость в объединении значений слов и выражений, которые дали средневековая экзегетика и многовековая переводческая практика XI—XVI вв. В Азбуковниках стремились зафиксировать всю книжную (прежде всего иноязычную) лексику. Эти лексикографические своды назывались самими представителями средневековой книжности «Алфавитами», с XIX в. в научных работах — Азбуковниками, а в XX в. — словарями-тезаурусами.

Самый значительный древнерусский памятник в жанре словарей-тезаурусов, так называемый Соловецкий Азбуковник XVII в., является творением книжника Сергия Шелонина. Он известен в науке с XIX в. из работы А. Карпова, который отметил ряд новшеств его составителя.¹ Однако о том, что авторство этого

¹ Карпов А. Азбуковники, или Алфавиты иностранных речей. Казань, 1878. С. 133—144, 169.

компендиума принадлежит именно соловецкому книжнику, стало известно совсем недавно.

Л. С. Ковтун, автор многочисленных работ по древнерусским словарям, посвятила Азбуковникам — высшему типу древнерусской лексикографии — отдельную монографию. Выявленные исследовательницей списки этого позднего жанра, история развития которого укладывается в одно столетие (середина XVI—середина XVII в.), были систематизированы ею на основе текстологических наблюдений.² Согласно ее классификации, все известные русские Азбуковники делятся на семь основных типов, или словарных памятников, самый ранний из которых относится к периоду, близкому к деятельности Максима Грека, а седьмой, завершающий, этап в истории жанра — это Седьмой, или Соловецкий Азбуковник, самый объемный из всех известных древнерусских словарей.³ Седьмой Азбуковник, по мнению Л. С. Ковтун, создавался в три этапа, которые последовательно отразились в трех списках: 1) БАН, 33.9.1, 2) РГБ, собр. Тихонр., № 338; 3) РНБ, Сол.18/18. Она предположила, что этот «монументальный труд» был осуществлен в Соловецком монастыре,⁴ и отметила необычную широту представленного в нем лексического материала, а также его структурные усовершенствования: «Многотысячный компендиум объединяет материалы восточнославянской лексикографии, не придавая им русской ориентации. Идеологической задачей его создателей, вернее всего, было показать общность языковой культуры восточных славян. Разветвленная система отсылок связывает слова этого огромного свода, отличающегося изощренной техникой и включением элементов симфонии. Историко-текстологическое изучение списков данного памятника, несомненно, потребует знакомства с обстоятельствами новой эпохи».⁵ Исследования Л. С. Ковтун были продолжены А. Н. Левичкиным, который доказал, что грандиозный компендиум — Соловецкий Азбуковник — никак не связан с деятельностью представителей нового времени, а является результатом многолетней работы соловецкого книжника-традиционалиста Сергия Шелонина, трудившегося всю жизнь над редактированием древнерусских памятников.⁶ Согласно исследованию А. Н. Левички-

² Ковтун Л. С. Азбуковники XVI—XVII вв.: Старшая разновидность. Л., 1989. С. 9—10.

³ Там же. С. 10.

⁴ Там же. С. 18.

⁵ Там же.

⁶ См. о нем: Дмитриев Л. А., Сапожникова О. С., Чумичева О. В. Сергей (Шелонин) // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1998. Вып. 3 : (XVII в.), ч. 3. С. 343—351; Там же. СПб., 2004, Вып. 3, ч. 4. С. 788—789.

на, на первом этапе работы Сергия Шелонина в Азбуковнике БАН, 33.9.1 (40-е гг. XVII в.) содержалось 7766 словарных статей, на втором этапе работы, в Азбуковнике РГБ, собр. Тихонр., № 338 (конец 40-х—начало 50-х гг. XVII в., до 1653 г.) — уже 8177, а на третьем этапе — Азбуковник РНБ, Сол. 18/18 (вторая половина 50-х гг. XVII в.) — 16 110 словарных статей.⁷ Такой беспрецедентный для древнерусских словарей объем «объясняется привлечением большого количества дополнительных материалов, среди которых выделяется полный корпус словарных статей „Лексикона” Памвы Берынды».⁸ По мнению исследователя, «привлечение материалов „Лексикона”, юго-западного словаря, было исчерпывающим, но не механическим».⁹

Третий Азбуковник Сергия Шелонина и его особенности

Конечный этап работы Сергия в жанре лексикографии — третий его Азбуковник РНБ, Сол.18/18 (in folio, 650 л.)¹⁰ — состоит, что характерно для жанра Азбуковников, из двух частей: собственно лексикографической части (500 л.) и конвоя (150 л.). Этот Азбуковник, как и рукопись РГБ, собр. Тихонр. 338, переписывался постоянным послушником Сергия, который работал с ним на протяжении многих лет. По мнению А. Н. Левичкина, им являлся дьячок Гаврила Львов, по мнению О. В. Панченко — это дьячок Козьма Вологжанин.¹¹ Сергей переписал лишь незначительную часть статей, что присуще вообще его манере работы, поскольку он, как правило, руководил перепиской, подбирая материал для копирования, ему же принадлежат практически все источниковедческие маргиналии на полях. Лексикографическая часть Азбуковника была предметом специального исследования А. Н. Левичкина, который отметил следующие его особенности. Организация материала в этом словаре была традиционной: порядок расположения слов — алфавитный, а также последовательно выдержан принцип соблюдения первой гласной заголовочного

⁷ Левичкин А. Н. 1) Лексикографические труды Сергия Шелонина // Русский язык конца XVII—начала XVIII в.: Сборник статей. СПб., 1999. С. 43—53; 2) К истории русской лексикографии середины XVII в.: (Изменение типа азбучного тезауруса) : Автореф. дис. ...канд. филол. наук. СПб., 1999.

⁸ Левичкин А. Н. К истории русской лексикографии... С. 14.

⁹ Там же.

¹⁰ С целью сокращения объяснений, о какой именно рукописи из трех идет речь, мы будем далее называть в соответствии с датировкой первый, второй, третий Азбуковник Сергия. Первый — список начала 1640-х гг., второй — 1640-е — начало 1650-х гг., и третий — второй половины 1650-х гг.

¹¹ Левичкин А. Н. Лексикографические труды... С. 49—50; Панченко О. В. Сергей Шелонин как историограф // Книжное наследие Соловецкого монастыря XV—XVII вв. 5—10 сент. 2005 г. : Тез. докл. Соловки, 2005. С. 44—45.

слова. Более строгого следования алфавиту создатели не могли придерживаться в силу специфического функционирования этого жанра: он не имел абсолютно фиксированного содержания, а все время дополнялся новыми и новыми материалами, которые к нему присоединялись (дописывались, подклеивались). Структура Соловецкого Азбуковника была усовершенствована, по-видимому, с целью ускорения поиска информации: было предпринято более мелкое деление лексикографического материала на главы, которые названы здесь «стихами» и последовательно пронумерованы. В перекрестных ссылках в текстах словарных статей указываются порядковые номера стихов-глав. Более того, на верхнем поле каждого листа в колонтитулах указывается первая буква слов, которым посвящены словарные статьи на этом листе (например, «А—И»; «И, I — О»; «Ж—Ђ»). Но, как неоднократно подчеркивает исследователь, главное отличие этого памятника — в объеме. «Компендиум, созданный в середине XVII в., более чем в шесть раз превышает объем старшего из тезаурусов. Это самый большой из известных Азбуковников. Его отличие состоит также в последовательно проведенной на столь обширном материале системе соотношения слов по их семантическим и грамматическим признакам, а также в системном указании на источники, где встречается то или иное слово».¹² Организация словарных помет и перекрестных ссылок позволяет читателю Соловецкого Азбуковника получать сведения о тематических группах лексики, а развитие этого направления, по мнению А. Н. Левичкина, было одной из задач его создателей. Можно сказать, дополняя наблюдения исследователя, что группирование материала по тематике, встречающееся в Азбуковнике, подобно гнездовому принципу построения, характерному для словарей нового времени, содержащих элементы словообразовательного анализа (исторические, толковые, некоторые этимологические словари). Во многих статьях Соловецкого Азбуковника, посвященных определенному слову, приводятся производные от него слова, сохранившие словообразовательные связи с производящим словом, таким образом расширяется круг объясняемых слов. На примере слова «икона» рассмотрим особенности организации материала и разветвленной системы перекрестных ссылок в третьем Азбуковнике Сергия.

В разделе на букву «И», в стихе 298, на листе с колонтитулом «И, I — О» (л. 246) дается ключевое (или производящее) слово «икона» и его перевод с греческого языка, а далее приводится ряд производных от него слов. Таким образом формируется тематическая группа лексики, см.: «Икона и образ. Тол.: икона глаго-

¹² Левичкин А. Н. К истории русской лексикографии... С. 16.

летя от „еже подобитися”. Словенски же — образ, заеже образувати ино лице. Елиньская речь — иконизо: вытворяю, выформовую. Иконикось, ѱ, о — родный, подобный, или мнемнимый. Прав(ила) Матф(ея). Состав 5, Глава 6. Фотий и Феодор Студит. Иконник — маляр образов. Максим (Грек. — *О. С.*). Иконописание — малярство. Иконное воображение — малеванье. Иконный зрак — малеванный образ. Зри на все выше, стих 255. Икономах — образоборец, иконоборец. Зах(ария), 31». Как видно, в тексте словарной статьи приведен ряд однокоренных слов, даны ссылки на источники со случаями их употребления, а также дается ссылка на статью этого же словаря: «см. на все, стих 255». На полях листа, напротив процитированного текста также даны ссылки на статьи Азбуковника: «Ниж(е), стих 376» и ссылка на Кириллову книгу (М., 1644) и статью Хронографа 1617 г.: «Кирилл Иер(усалимский), друк(у) мос(ковского), слово 11, 12, лист 160. Хрон(о)граф. Гл. 152. Выше, стих. 97».

В стихе 255, указанном в словарной статье, содержатся следующие сведения: «Живописец — иконник, Быт (т. е. книга Бытия. — *О. С.*), 39; Иеремия, 31, ниже стих 260». Это те книги Св. Писания, в которых содержатся упоминания о божественных образах. В стихе 260, на который дана ссылка уже в новой статье, читается следующий материал под колонтитулом «З—А»: «Заграфъ — иконописец, ниже, стих 266, 268, 254». В стихе 266, указанном в этой статье, читается следующее: «Зографос — иконописец, выше стих 87, 260, ниже стих 268, 288, 298, 376». Как видно, номера стихов начинают повторяться, «перекрещиваться», с каждым новым словом, попадающим в семантическое поле лексемы «икона», будет расширяться круг источников, а также начнутся пересечения с семантическими полями новой лексической семьи.

Следуя по цепочке отсылок, мы найдем следующую лексику: «Изограф — иконописец, выше стих 266» (стих 289), «Маляр — иконник. Малярство — иконописание», а также слово «Иконостасион», которое выводит читателя на другой пласт лексики. На л. 243 в стихе 289 (колонтитул «И, I—О») слово «Иконостасион» (с пометой «елин», т. е. слово «еллинское», греческое) трактуется как «Деисус», здесь же дается отсылка на стих 195. В стихе 195 читается: «Деисусъ. Тол.: Бог в человецех, ниже, стих 289». Кроме ссылки на стих 289, на полях также дается отсылка к стиху 173. В этих стихах читается следующее: «Деусъ (над словом написано «рим», т. е. «римское» слово, латинское. — *О. С.*) — Богъ, выше стих 1, 83, ниже стих 195, 250»; «Ень, перм. (пермское слово. — *О. С.*) — Богъ, выше, стих 173». Таким образом создается разветвленная, перекрестная система ссылок.

Итак, от тематической группы с ключевой лексемой «икона» благодаря хорошо и четко разработанной системе перекрестных ссылок Соловецкого Азбуковника возможно перейти к синонимическому ряду: «Зографос, заграф, изограф, живописец, маляр», а также к родственным по полисемантическим связям лексическим семьям, например: «Иконостасион», «Деисус», «Деус», «Бог», «Господь», «Иисус» и т. д.

Как известно, степень полноты словника, а также глубина семантической разработки в любом словаре зависит от материальной базы словаря, или, как говорят лексикологи, картотеки словарного фонда в виде цитат из определенного вида источников. В случае с Соловецким Азбуковником можно предположить использование его создателями практически всего фонда переводных памятников, известных древнерусской книжности. Картотеккой являлась вся Соловецкая библиотека, где велась работа над словарем и из богатой книжной коллекции которой делались выписки. А. Н. Левичкин сделал предположение, что ссылки, читающиеся в словаре на определенные главы и листы книг, являются отсылками к конкретному частному собранию, а именно — к собранию его создателя Сергия Шелонина. До А. Н. Левичкина идею о ссылках соловецкого книжника в процессе его книжных штудий на свои собственные отредактированные рукописи высказал Н. И. Николаев, основываясь на примере перекрестных ссылок между отредактированными Сергием Лествицей и Патериком Алфавитным, деление глав в которых не совпадает с традиционным составом этих памятников.¹³ Без сомнения, Сергей при работе над Азбуковником использовал прежде всего свою собственную библиотеку, и это еще будет возможно в будущем показать на примере ряда рукописей, им правленных, но объем привлеченных в Азбуковнике источников настолько велик, что выходит за рамки любого, даже очень большого частного средневекового собрания. Например, среди вкладов Сергия не встречается сборник Слов Григория Богослова, в то время как толкования Азбуковника зачастую существенно расширены за счет привлечения сочинений этого автора.

Сергий увеличивает в своем словаре не только круг источников, но и количество ссылок на них. Лексика, которая ранее в этом жанре приводилась без ссылки на ее употребление в конкретном тексте, в его Азбуковнике получает точные указания на источники. Например, к имени «Исида» в старших Азбуковниках

¹³ Николаев Н. И. 1) Патерик Азбучно-Иерусалимский // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1: XI—первая половина XIV в. Л., 1987. С. 302; 2) Об источниках московского издания Лествицы 1647 г. // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 48. С. 277—283.

обычно давался только перевод — «бесчестная».¹⁴ В Азбуковнике Сергия дается ссылка на то сочинение, где упоминается Исида (в ряду богов египетского пантеона), а именно — в «Повести о Варлааме и Иоасафе». Сергей, на наш взгляд, стремился актуализировать для русского читателя иноязычную лексику: поскольку справки ономастического характера к нехристианским именам или именам языческих богов не имели сами по себе большой ценности, то иллюстративный материал (ссылки на авторитетные, традиционные тексты или выдержки из них) вводил их в контекст православной культуры, подтверждал целесообразность их присутствия в нем. Так Сергей усиливал прикладной характер своего словаря. Этот тезис можно продемонстрировать и на примере такого важного для христианства города-символа, как Иерусалим. Изначально, в предшествующей традиции словарей-азбуковников, Иерусалиму посвящалось 10—15 строк текста с изложением краткой предыстории основания этого города еврейским народом после исхождения из Египта и его перевод: «И того ради ту обѣтованную ими землю нарекоша Иер(у)салимъ, сиречь „миру видѣние” или „мирно пристанище”...а по-словенски толкуется Иеросалим — „миру видѣние” или „мирно пристанище”».¹⁵ Сергей же дает развернутую историческую и географическую справку, заимствованную из Хроники Амартола, и помещает оттуда также и древнюю этикетную формулу наименования Иерусалимского патриарха, что сразу дополняет статью актуальной для русского православного читателя информацией: «В сем граде патриарх от апостол утвержен, во образ чувства пятого (Небеса, сл. 25).¹⁶ А титулу имат такову: „Имярек милости Божиею святейший и блаженнейший патриарх святаго града Иерусалима, святаго Сиона, Сирии, Финикии, Аравии, оболпол Иердана, Кана Галилеи, и всеа Палестины”, а печать привешивает на красном воску, образ воскресения Господня. А от Царяграда до святаго града Иерусалима морем и сухим путем 2600 верст» (л. 243 об.).

Поскольку изначально Азбуковники мыслились как словари толковые, содержащие перевод иноязычной лексики, то и ссылки в них соответственно были прежде всего на переводные источники. Сергей Шелонин в своем словаре вводит ссылки на русские сочинения и, что особенно интересно, на печатные издания преи-

¹⁴ Или же краткая мифологическая справка о любовной связи между Зевсом и Исидой греческой (Ковтун Л. С. Азбуковники... С. 198).

¹⁵ Там же. С. 197.

¹⁶ Здесь Сергей дает ссылку на главу из «Богословия» («Точное изложение православной веры» Иоанна Дамаскина в переводе Иоанна экзарха Болгарского «О чувстве»).

мушественно московской типографии времен патриарха Иосифа (1642—1652). Сергей не только ссылается на эти издания, но и делает из них выписки. Например, в объемной статье «О Византии»,¹⁷ Сергей таким образом заимствует сведения из книги «Книги о вѣре»: «В книге же «„О Вѣрѣ”» друку московского, на листу 193-м написано: от Рождества Христова в лѣто 1209-е французове и латынницы Царьград взяша при царѣ Алексее, а не при Феодорѣ Ласкарѣ, а взят не царем Михаилом Палеологом, но царем Алексеем же...» (л. 120, колонтитул «В—О»).

С каждым этапом работы Сергея над Азбуковником все больше и больше уделяется внимания исконно славянской лексике, этому способствует и привлечение на заключительном этапе работы при создании третьего Азбуковника, как уже говорилось выше, «Лексикона» Памвы Беринды (Киев, 1627), а также информации по всем областям знания. В Азбуковник вошло много статей о травах, плодах, ягодах. Так, происхождение цитируемой ниже выписки «О вишнях», по-видимому, следует искать в древнерусских рукописных травниках: «Вода из челеных вишен по-гречески „тарафио”, по-латынски „серуза”, или „грана регис”, сиречь царские вишни, различным обычаем они растут, различным же обычаем их называют по тѣм островам, гдѣ они растут, но zde пишуем о вишнях болших, о красных. Есть же иные ягоды, малые вишни, багряны, ихже птицы малые любят ясти. Суть же иные вишни, у коих ягод одна половина красна, а другая бѣла. Есть же иные вишни велми бѣлы, а рождаются в цесарской области, в полатынском боярстве, а называют их латынове черешни» (л. 121 об. — 122).¹⁸

Разнообразие материала, представленного в древнерусских «Алфавитах», заставило первых археографов предпринять попытки его классификации. И. Сахаров предложил деление словарных материалов на лексикографические и литературные,¹⁹ что современные исследователи считают не совсем оправданным, так как разделение однородного для средневекового сознания материала, осуществленное на основе современных научных критериев, упрощает представление о средневековой синкретичности любого явления. Под литературной частью Азбуковников подразумеваются, как правило, сведения из разных областей зна-

¹⁷ В старших типах Азбуковников Византии посвящалась очень краткая статья: «Византия, Царьград тако имяновашеся преже» (*Ковтун Л. С. Азбуковники...* С. 164).

¹⁸ Этот же текст читается на вклейке к верхней крышке переплета сборника Q. XVII. 187 (о нем см. ниже).

¹⁹ *Сахаров И. П. Сказания русского народа. Т. 2, кн. 5 : Словари русского народа. СПб., 1849. С. XI, XII, XV, XVI.*

ний: философии, библиографии, истории, мифологии, символики, географии, этнографии, минералогии, медицины, ботаники, зоологии, орнитологии, ихтиологии, математики, архитектуры, церковных уставов, обрядности, литургики, гимнографии и т. д. А. Карпов назвал эти сведения «объяснениями энциклопедического характера».²⁰ Л. С. Ковтун предлагает встать на точку зрения К. Крумбаха, который считает невозможным присваивать средневековым словарям и приводимой в них информации какие-либо жесткие терминологические определения на основании современных словарных классификаций. Подобно византийским лексиконам, например фундаментальному лексикону «Свиды», древнерусские Азбуковники являются «чем-то средним между словарями толковыми, грамматическими, этимологическими, которые содержат лишь слова, формы и производные слова, и нашими теперешними энциклопедиями и энциклопедическими словарями, в которых главным образом даются реальные комментарии».²¹

Азбуковник Сергия можно назвать, на наш взгляд, энциклопедией русского православного сознания, так как именно в его труде оценка явлений, исторических фактов, географических реалий, символов с точки зрения православной традиции становится важнейшей тенденцией. Вполне уместно привести в данном случае вывод Л. С. Ковтуна о главном предназначении Азбуковников. По ее мнению, лексикографический жанр имеет два основных этапа в своем развитии: «Целью тезаурусов на первом этапе развития было способствовать пониманию многовекового фонда читаемой литературы, а также переводам книг и их исправлению, на втором этапе развития.. основной целью стало содействие сохранению самой древней книжности как главного источника знаний и нравственного совершенствования».²² Другими словами, Азбуковники выполняли охранную функцию, они содержали «ключ» к письменному наследию, а соответственно, к Священному Писанию, сочинениям отцов церкви и вообще к любому освященному традицией знанию.

Не случайно Сергей Шелонин так настойчиво развивает догматическую направленность своего Азбуковника. Статьи, посвященные православным обрядам, догматам, вероисповедным формулировкам, существенно распространяются или вводятся впервые. Так, Сергей вводит в Азбуковник очень подробную ста-

²⁰ Карпов А. П. Азбуковники, или Алфавиты... С. 17.

²¹ *Krumbacher K. Geschichte der byzantinischen Litteratur. München, 1897. S. 563* (Пер. Д. М. Буланина. См.: Буланин Д. М. Переводы и послания Максима Грека / Отв. ред. Д. С. Лихачев. Л., 1984. С. 54, 55).

²² Там же.

тью о «Св. Духе» (л. 174 — 176 об.), к которой присоединена статья «о душе». В нее вошли выдержки из пророческих книг, Богословия Иоанна Дамаскина, 1-го Послания Коринфянам, «Шестоднева» Василия Великого, Диалогов папы Григория и Слов Григория Богослова.

Азбуковник и творчество Сергия

Связь трех словарей Сергия с его многолетней деятельностью по редактированию книг и созданию фундаментальных компиляций требует особого исследования. Поля рукописей, над которыми он работал и на Соловках, и в Москве, заполнены многочисленными ссылками на разные источники, среди которых Азбуковник занимает не последнее место. Встречая лексические заимствования из греческого, латинского, еврейского и других языков в редактируемых памятниках, особенно в случаях употребления слов-гапаксов, а также при употреблении устаревшей славянской лексики, Сергий, как правило, ссылается на «стихи» своего Азбуковника, в котором приведены перевод слова и, возможно, дополнительные сведения о его словоупотреблении. Например, в печатной Лествице 1647 г., которую Сергий подготовил по заданию патриарха Иосифа, введены толкования к иноязычной лексике. На полях издания появляются ссылки на «Алфавит» и номера его «стихов». Так, в главе Иоанна Синайского «О безмолвии» после фразы «Единъ же сихъ приемлет вравия бес труда» помещено следующее толкование: «Вравие или вравион, ветвь финикова с плодом, дается от царей в почести место воином, победившим сопостаты его» (л. 159). Это выписка из второго Азбуковника Сергия.²³ Ссылки Сергия на стихи своего словаря, как правило, очень точные, но для современного читателя представляет трудность определить, на какую именно из трех рукописей Сергий ссылается. В каждом отдельном случае требуется проводить специальные разыскания.

В данной статье нам хотелось бы привести предварительные наблюдения о связи между текстом Азбуковника Сергия и собственным творчеством соловецкого книжника, которую можно проследить уже при знакомстве с первыми листами этого свода — с Оглавлением. Оглавление к содержанию словарной части

²³ На первом этапе работы Сергия над текстом Лествицы (1630-е гг.) этого толкования еще не было. К слову «вравие» книжник тогда сделал краткую приписку на полях: «сирѣч вѣнец», впоследствии, как видим, толкование расширилось. Первый этап работы книжника над текстом Лествицы, — рукопись РНБ, Сол. 282/302. Эта рукопись-автограф еще не была в поле зрения исследователей и неизвестна среди атрибутируемых Сергию Шелонину книг.

встречается не в каждом рукописном древнерусском Азбуковнике, но все же оно считается традиционной статьей этого жанра. Взгляд Сергия на тип информации, содержащейся в Оглавлении, менялся в процессе работы. В первом Азбуковнике Сергия Оглавление достаточно краткое, традиционное, в нем приводится лишь краткий перечень слов с отсылками на главы. Этот перечень, конечно, не охватывает всего состава словаря. На втором этапе работы Оглавление расширяется и даже обогащается новым видом информации. В частности, в Оглавлении к этому Азбуковнику, составленному и переписанному самим Сергием, встречаются отсылки в порядке алфавита на цитаты из святоотеческих сочинений. Указание «стих» в Оглавлении позволяет найти цитату и ее источник среди статей словаря. Оказывается, в Оглавлении к Азбуковнику приводятся иногда те же самые цитаты из переводных памятников, которые используются и в сочинениях самого Сергия.

Это совпадение можно продемонстрировать примером из сочинения Сергия, над которым он работал в 30—40-х гг. XVII в. — «Сказании о чудесах свв. Иоанна и Логгина Яренгских». На протяжении всего текста Сказания встречаются небольшие дословные цитаты или «чужие микротексты» из памятников разных жанров, которые использовались автором для описания реально происходивших событий, — например, в эпизодах о путешествии по Белому морю соловецких иноков или других персонажей. Одна и та же цитата читается и в Сказании (в морском эпизоде), и в текстах словарных статей второго и третьего Азбуковников Сергия (в Оглавлении и словарной статье). Очевидно, что Сергей работал над этими памятниками в одно и то же время и использовал цитаты из Слова Григория Богослова и толкования на него в разных жанрах с разными целями.

Азбуковник Сергия
Шелонина 1650-х гг.
(РНБ, Сол. 18/18)

Григорий Богослов
«Слово 3-е в неделю
новую» (с Толкованиями
Никиты Ираклийского)²⁴

Сказание о чудесах
Яренгских чудотворцев
Сергия Шелонина²⁵

Оглавление к Азбуковнику (л. 11): *Корабль от пристанищ с пѣснию возводится, 349.*

Нынѣ убо корабль от пристанищъ възводится съ ядры, и сими, яко многюлюботечными ядрами

Они же всѣдают в ладийцу, окрисяють ту ядрилы, тѣми многотечными ядры корабль воскрисяемъ.

²⁴ Цит по: Сапожникова О. С. Сказание о Яренгских чудотворцах и методы работы древнерусского автора // Русская агиография: (Исследования. Публикации. Полемика). СПб., 2005. С. 555.

²⁵ Там же.

въскрѣяется... Сего ради и корабль, егда от пристанищъ в пучину грядет, возводится, глаголют, яко: от нижняго на вышшее въсходящу. Аще ли же от пучины в пристанище грядет, тогда сводится... на нижшее.

Стих Азбуковника № 349 (л. 276 об.): *Корабль от пристанищъ возводится съ ядры, и сим якоже многотечным ядром воскрѣяется.* Бог(ослов), сл. 3, стих 22. Тол(кование): Глаголют естествословнии любомудрецы...Богословъ вѣдъ глаголетъ, яко нынѣ *корабль от пристанища возводится съ песнию, песни же суть ...боголюбивая пѣтя...* Кораблю ядрилом, мню, яко от мира прием се, именовав ядрила кораблю крила. Или от Исаяи, Исаяя, 60, рекшу о нѣкихъ, яко полетятъ в кораблех.

Толкование (Никиты Ираклийского): Сие Богослов вѣдая, глаголет, яко: нынѣ *корабль от пристанищъ възводится съ пѣсною. Пѣсни же суть пѣтя,* еже поют корабленицы, ядрило возвладчаше.

...И возвращаются въспять по морю в предреченную весь Яренгу, *низводятъ корабль от высоты на низшее, достигаютъ в пристанище*

В лексикографическом жанре фрагменты Слова Григория Богослова и Толкования на него Никиты Ираклийского перестроены под функцию словарной статьи толкового характера, в Сказании они являются частью агиографического повествования, центонного текста, мастерски составленного из множества цитат Сергием-писателем.

Интересно, что на третьем этапе работы при создании самого полного третьего Азбуковника Сергей не развивает идею приводить в Оглавлении цитаты, возможно, из-за увеличившегося объема дословно цитируемых текстов. Таким образом, Оглавление ко второму Азбуковнику можно рассматривать как рабочий вариант, эксперимент Сергия.

В конвое к Азбуковнику среди многочисленных хронографических выписок Сергей поместил (л. 658—658 об.) небольшое сообщение о соловецком игумене, а затем митрополите всея Руси Филиппе (Колычеве). Тема митрополита Филиппа на Соловках была актуальной всегда,²⁶ а в связи с двумя переносами мо-

²⁶ См. подробнее об отношениях монастыря и митрополита: *Колобков В. А. Митрополит Филипп и становление московского самодержавия: Опричнина Ива-*

щей — 1646 и 1652 гг. — она стала и темой нескольких сочинений соловецких старцев — самого Сергия Шелонина и Герасима Фирсова.²⁷ Сергий очень лаконично сообщает в конвое к своему Азбуковнику о том, чему уделил много внимания в Похвальном слове, — поставлению на митрополичий престол соловецкого игумена Филиппа, его изгнанию и «нуждной смерти». Теперь Сергий сообщает о трагических событиях без указания причины опалы митрополита и не называя заказчика убийства, повествование ведется в безличной форме: «И того со престола согнаша и поточиша во Тверь во Отрочь монастырь, и тамо нуждною смертию скончаша в лето (оду) 7078 декабря в 23 де(нь). И в лето 7098 (оду) августа в 8 де(нь) честные мощи его привезены из Твери в Соловецкой монастырь». Далее Сергий говорит о перенесении мощей митрополита из Соловецкого монастыря в Москву в 1652 г.: «И в лето 7160-е государь царь и великий князь Алексей Михайлович Всеа Русии прислал в Соловецкой монастырь Никона митрополита Новгородского и Великих Лук со многу честию, и мощи его взяша июня в 7 де(нь) в понедельник Святаго Духа и повезоша к царствующему граду Москву». Как известно, при создании «Похвального слова на перенесение мощей св. Филиппа» в 1646 г. Сергий настойчиво развивал прием уподобления жизни и подвига русского митрополита агиографическим реалиям из Жития выдающегося отца церкви, патриарха Константинопольского, св. Иоанна Златоуста.²⁸ В конвое к Азбуковнику Сергий говорит как об очевидном факте об уподоблении, которое не было столь откровенно высказано им в Похвальном слове. Эта прямолинейность стала возможна только после достижения церковью (в том числе и при содействии Сергия) программной задачи — официального признания церковью и государством митрополита Филиппа святым и его общерусской канонизации. Канонизация митрополита Филиппа состоялась в 1652 г., следовательно, в годы создания конвоя к третьему Азбуковнику (вторая половина 50-х гг. XVII в.) не было препоп для

из Грозного. СПб., 2004. С. 99—101; Лобакова И. А. 1) Митрополит Филипп Колычев и Соловецкий монастырь // Монастырская культура: Восток и Запад. СПб., 1999. С. 184—196; 2) Житие митрополита Филиппа: Исследование и тексты. СПб., 2006. С. 13—16.

²⁷ См.: Знаменский П. В. Произведения соловецкой письменности, относящиеся к личности св. Филиппа митрополита // Православное обозрение. 1883. Апрель. С. 768—785; Никольский Н. К. Сочинения соловецкого инокa Герасима Фирсова по неизданным текстам // Памятники древней письменности. СПб., 1916. Т. 188.

²⁸ Сапожникова О. С. Иоанн Златоуст и митрополит Филипп: (К вопросу об образах, прообразах и моделях) // Книжные центры Древней Руси: Книжники и рукописи Соловецкого монастыря. СПб., 2004. С. 183—213.

указания на подобие подвига двух святых, погибших в результате конфликта с государственной властью. То, что Сергей очень «сглажено», спокойно об этом сообщает, говорит, на наш взгляд, и о его собственном примирении и о примирении церкви с государством в вопросе об оценке причины смерти и подвига Филиппа, которое было достигнуто после «Молебного послания» Алексея Михайловича, преклонившего по подобию императора Византии «честным мощем всю свою власть» и раскаявшегося («раскаяся бо о содеянном»):²⁹ «А к Москве придоша с мощьми иулия въ 9 день и тогда благочестивый Государь царь и великий князь Алексей Михайлович Всеа Русии самодержецъ, съ честными кресты, и съ чудотворными иконы, и с митрополиты, и со архиепископы, и со всем освященным собором; и съ благовѣрными князи и боляры, и со всеми православными христианы изыде на срѣтение мощей от царствующаго града Москвы 4 поприща до сельца глаголемаго Мар(ь)иньского. Украсив же гроб святаго — паволоками златотканными; воздух же наполнивъ свѣщным свѣтом, яко и солнечному сиянию от него возражатися и миру многоцѣнну преліятися сотвори; но превосходяще сие благовоние изливающееся от мощей святого; и тако во свѣтло сретение мощем святаго Филиппа сотвори, якоже царь Феодосий отцу Златоусту (курсив мой. — О. С.), и якоже александрьстии людие великому Афонасию, егда возвратися от изгнания, и приимше мощи, поставляет в пречистѣм храмѣ Богоматере честнаго и славнаго ея Успения, идеже и донныне стоять, неоскудно вѣрным точат исцѣления и благоухания воню воспущают; всем приходящим с вѣрою». Описание в Азбуковнике встречи мощей св. Филиппа царем Алексеем Михайловичем в Москве обнаруживает и некоторое текстологическое соответствие с Похвальным словом Сергия.

«Похвальное слово на перенесение мощей митрополита Филиппа» 1646 г. Сергия Шелонина³⁰

Третий Азбуковник Сергия Шелонина (РНБ, Сол.18/18, л. 658—658 об.)

Дневный же свѣт покрываем бяше свѣтом свѣщным от множества их...(с. 429)

воздух же наполнивъ свѣщным свѣтом, яко и солнечному сиянию от него возражатися ...

...превосходяще сие благовоние, изливающееся от мощей святого (с. 425)

...обоня воня благоухания неизреченаго... излившуся от тѣла святаго

²⁹ Там же. С. 206.

³⁰ Цит. по изданному авторизованному списку Похвального Слова митрополиту Филиппу (см.: Сапожникова О. С. Слово на перенесение мощей митрополита Филиппа Сергия Шелонина // Книжные центры Древней Руси : Соловецкий монастырь. СПб., 2001. С. 359—437).

Граждане же, святого приход ощутившее, изыдоша во срѣтение...честно святому срѣтению творящее, якоже Великому Афонасию, егда от оземствования на престол возвратися (с. 373)

великий князь ... изыде на срѣтение мощей ...и тако во свѣтло срѣтение мощем святого Филиппа сотвори, яко же царь Феодосий отцу Златоусту, и якоже александрьстии людие великому Афонасию, егда возвратися от изгнания

«Особая» тетрадь в конвое к Азбуковнику и отношение на Соловках к реформе патриарха Никона

В октябре—конце ноября 1657 г. с последним транспортом, перед окончательным закрытием навигации, в монастырь были доставлены новопечатные, исправленные книги (три Скрижали 1656 г. и Служебники 1655, 1656 и 1657 гг.).³¹ Архимандрит Илия своей властью запретил ими пользоваться и убрал их в «казенную полату». С этого момента начинается история противостояния Соловецкого монастыря реформе патриарха Никона. Незаинтересованность монастыря в приобретении новых книг и преднамеренные проволочки с их закупкой позволили братии столь долго (вплоть до конца 1657 г.) проводить богослужение по-старому и не вводить никаких обрядовых нововведений. Архимандрит Илия, как единогласно утверждают все исследователи, воспрепятствовал знакомству братии с книгами, однако именно к этому времени, 1657—1658 гг., относятся первые антиреформенные сочинения и сборники, следовательно, доверенные лица архимандрита все-таки были допущены с определенными целями к ознакомлению с их содержанием. Этими людьми должны были быть прежде всего те, кто сразу после присылки книг начал готовить на них опровержение. А такими людьми были прежде всего Герасим Фирсов и Сергей Шелонин. Самым первым соловецким антениконовским идеологическим сочинением считается столь популярный впоследствии среди старообрядцев Трактат о двуперстии Герасима Фирсова.³² Следующим по времени соловецким антениконовским сочинением исследователи долгое время считали сочинение-компиляцию «Сказание о новых

³¹ Субботин Н. И. Материалы для истории раскола за первое время его существования. М., 1878. Т. 3. С. 72; Чумичева О. В. Соловецкое восстание 1667—1676 гг. Новосибирск, 1998. С. 26—27.

³² Н. К. Никольский датировал Трактат вскоре после 1656 г. (Никольский Н. К. Сочинения Соловецкого инока Герасима Фирсова по неизданным текстам СПб., 1916. С. XVIII). О. В. Чумичева вслед за Н. И. Субботиным датирует это сочинение временем после 1657 г. (Чумичева О. В. Соловецкое восстание... С. 27, см. также: Чумичева О. В. Археографический обзор сочинений Герасима Фирсова и его автографов // Христианство и церковь в России феодального периода. Новосибирск, 1989. С. 59—76).

книгах» казначея Геронтия (1666—1667).³³ Получалось, что почти десять лет в монастыре не велось никакой работы по осмыслению результатов реформы и сопоставлению новых обрядов со старыми. Такое представление о положении дел даже послужило поводом для утверждения о пассивности и «заторможенности» соловецкого старообрядческого центра.³⁴ На самом деле в эти годы осуществлялся особый вид работы — накапливалась полемическая база на основе всего древнерусского книжного наследия, создавались сборники-компиляции, касающиеся пунктов реформы патриарха Никона. И это возможно доказать на примере деятельности в эти годы книжника Сергия Шелонина.

Документальные источники ни разу не называют имя Сергия Шелонина в числе тех, кто противостоял реформе патриарха Никона или же, наоборот, ее поддерживал. Он не упоминается ни в соловецких челобитных, ни в грамотах противников и сторонников новых порядков. Его позиция в монастырских событиях конца 50-х—начала 60-х гг. долгое время не была известна. О. В. Чумичевой было высказано предположение на основе анализа «Похвального слова на перенесение мощей митрополита Филиппа» о приверженности книжника старым порядкам.³⁵ Одновременно с ее исследованиями нами был выявлен сборник, содержание которого со всей очевидностью свидетельствует не только о неприятии Сергием обрядовых нововведений, но и о его значительной роли в организации в Соловецком монастыре центра по сопоставлению новых изданий московского Печатного двора со старыми и в зарождении аргументированной письменной полемики с реформаторами. Это сборник РНБ, Q.XVII.187.³⁶ Благодаря этой рукописи можно утверждать, что Сергием вскоре после получения новых Служебников был создан кружок единомышленников, который взялся в короткий срок собрать «опровержение» по следующим пунктам реформы: изменение формы креста, введение троеперстия, троение аллилуйи. Сам Сергей в эти годы лично не переписывал рукописи, а руководил книгописными, текстологическими работами, был инициатором разного вида работ с древнерусскими памятниками. В 1650-е—начале

³³ См. подробный перечень сочинений, «созданных писателями-старообрядцами Соловецкого монастыря (1658—1682 гг.):» *Бубнов Н. Ю.* Старообрядческая книга в России во второй половине XVII в. СПб., 1995. С. 190—191. В настоящее время список сочинений соловецких писателей пореформенного периода расширяется исследователями за счет новых археографических находок, но указанный период (1657—1667) по-прежнему остается большим пробелом.

³⁴ Там же. С. 189.

³⁵ *Чумичева О. В.* Соловецкое восстание... С. 23—25.

³⁶ См. подробнее: *Сапожникова О. С.* Новые сведения о соловецком книжнике Сергии Шелонине // ТОДРЛ. СПб., 1996. Т. 50. С. 617—623.

1660-х гг. его почерк — «дрожащий», слабый, неровный — признак недомогания и преклонных лет. Непосредственно в переписке сочинений для полемического сборника Q.XVII.187 Сергей не участвовал, но именно он выбирал тексты и фрагменты сочинений, которым следовало в нем находиться, он руководил его созданием: им надписаны заголовки сочинений, а также выполнена правка текстов (все тем же «дрожащим» почерком). Датировать по ряду признаков полемический сборник концом 50-х гг. можно на основании многих данных, в том числе и по наличию в нем половины тетради, вторая часть которой находится в сборнике сочинений Сергея (так называемый Псковский сборник), числившемся в Соловецкой библиотеке уже в 1658 г.³⁷ В это же самое время Сергей закончил и основную работу над последним вариантом своего словаря: последние известия из русской истории в конвое его третьего Азбуковника относятся к 1658 г.³⁸

Конвой, или заключительная часть третьего Азбуковника, существенно распространен по сравнению со вторым вариантом Азбуковника Сергея (конвой первого его Азбуковника — совсем незначительный) сочинениями Максима Грека и ему приписанными (их количество увеличилось), а также выдержками из Хронографа 1617 г., Степенной книги и ряда других памятников.³⁹ Конвой занимает значительную часть кодекса: л. 541—668.

В составе конвоя находится тетрадь, имеющая более позднее, чем все остальные тетради, происхождение. По расположению тетрадей видно, что 13 листов (л. 553—565), составляющие одну тетрадь,⁴⁰ были подклеены в Азбуковник тогда, когда весь кодекс был уже сброшюрован и сшит. Тетрадь с указанными листами вставлена между другими тетрадями и не входит в корешок. Получилось, что статьи на л. 553—565 об. нарушили существовавшее расположение статей: они попали «внутри» статьи о Св. Троице, приписанной здесь Максиму Греку. Чтобы сгладить это нарушение, Сергей соответствующим образом расставил свои обычные редакторские значки (крест в круге как знак вставки), что означало, что этот новый материал должен читаться перед статьей о Св. Троице. Однако филиграни всего Азбуковника

³⁷ Там же. С. 623.

³⁸ Подробнее о датировке рукописи РНБ, Сол. 18/18 на основании приводимых в нем сведений из русской истории см.: *Левичкин А. Н.* Лексикографические труды... С. 52—53; *Панченко О. В.* Сергей Шелонин... С. 45—46. Говорить о полном завершении работы над таким памятником, как древнерусский лексикографический словарь, достаточно сложно, о чем уже говорилось выше, так как этот жанр способен аккумулировать новую информацию в любых объемах.

³⁹ Исследования источников этой части Азбуковника: *Карпов А.* Азбуковники... С. 137—143; *Панченко О. В.* Сергей Шелонин... С. 42—47.

⁴⁰ Собственно тетрадь образуют л. 554—565, л. 553 приклеен к ней.

и этой тетради идентичны (герб Базеля «рожок в щите под короной»), из чего можно заключить, что основная часть Азбуковника была закончена совсем недавно и оставшуюся бумагу не успели использовать, поэтому ее сразу применили для добавочной тетради.

Почерк Сергия и его послушника на указанных листах иногда чередуется по несколько раз в пределах одной статьи. Порой Сергей только надписывал заголовок, а его сотрудник переписывал фрагмент какого-либо сочинения целиком. Только одну статью — Истолкование Символа Веры на л. 557 об.—558 Сергей переписал почти полностью. Почерк его «дрожащий», как и в полемическом сборнике Q.XVII.187, что, как уже говорилось, является отличительной особенностью рукописей Сергия этого времени.

Двенадцать вклеенных дополнительных листов содержат внушительное количество выписок из известных в рукописной традиции, а также в печатных изданиях XVI—XVII вв. сочинений. Это статьи из Стоглава, Жития Зосимы и Савватия Соловецких, Жития Богородицы, сочинений Григория Богослова, Ефрема Сирина, Иоанна Дамаскина, Катехизиса Петра Могилы (М., 1649), полемических сочинений Петра Дамаскина и множества других. Все выписки без исключения посвящены одним и тем же обрядовым вопросам: 1) двуперстию, 2) форме креста, 3) коленопреклонению. До сих пор эти выписки не привлекались специалистами по Соловецкому восстанию или началу идеологического противостояния монастыря властям, но именно в контексте этих сюжетов необходимо рассматривать конвой, а конкретнее — дополнительную тетрадь Азбуковника. Без сомнения, подготовка подборки из разных источников была обусловлена тревогой за нарушение старых порядков. Складывается впечатление, что в растерянности от неожиданных изменений священных, по их представлениям, обрядов соловецкие книжники, а именно — Сергей Шелонин вместе со своим послушником (?), очень оперативно привлекали самые разнородные аргументы и собирали доказательства их истинности из источников, на взгляд современного читателя, разной степени ценности в контексте исторической полемики. Это и постановления Стоглавого собора и статьи Кирилла Иерусалимского из Соборника 1642 г., и чудеса из византийских и поздних русских житий (например, свершившихся от крестного знамения). Книжники зачастую ссылаются на авторитет Максима Грека в надежде, что сочинения святогорского старца по вероисповедным моментам являются безусловным опровержением происходящей реформы: «Тем же последует о сложении перст Максим Грек, в той же Псалтири взято из его

книги, а он муж в добродетелех свидетельствованный (курсив мой. — О. С.)»).

Большой интерес представляют последние четыре листа дополнительной тетради в составе конвоя Азбуковника. Это авторская компиляция из мелких цитат и выписок, отражающая традиционные методы работы Сергия-писателя при создании/составлении текстов разных жанров, а также напоминающая такого же рода компиляцию в полемическом сборнике Q.XVII.187 на л. 189—194.⁴¹ Начало подборки: «Подобает всякому христианину ведати известно о С(вя)тых и Пр(е)ч(ис)тых Тайнах, како хранити их». Далее идут рассуждения от первого лица: 1) о просфорах, «како печатати их крестом, а не крыжем»; 2) о сложении перст, «ни да посрамятся нам еретики»; 3) «и о коленном поклонении на землю». Обратим внимание, что самым первым сочинением, на которое ссылается автор выписок, является книга «Небеса» (т. е. Богословие) Иоанна Дамаскина — сочинение, над подготовкой которого к изданию Сергей Шелонин работал много лет. В связи с символом на просфорах помещена следующая выписка: «...подобает печатати крестом, а не крыжем, а в свидетельство приводим: преподобнаго нашего отца Иоанна Дамаскина книга, именуемая Небеса, а в ней написано о святых и пречистых божественных тайнах слово 38-е: просвира бо елински глаголется принос — „хлеб крестом знаменан”» (л. 562). О «крестном знамении» выписки заимствованы из Стоглава (из главы 31-й), «О сложении перст» Максима Грека, «Книги о вере» (Киев, 1619), Псалтири (М., 1649), «Изложения на люторы» Ивана Наседки (без указания авторства: «...о том же перст сложении пишет на еретики во изложении... в книге, которая обличает новыя еретики немецкия»). Пространные выписки сделаны из Потребника времен патриарха Иосифа (М., 1651). Приведем лишь некоторые примеры дословного его цитирования Сергием Шелониным.

Третий Азбуковник Сергия (РНБ,
Сол. 18/18, л. 561).

Потребник (М., 1651 г.)

«Да в книге Потребнике, которой печатан при патриархе Иосифе, напечатано на листу 659-м: „Аще кто въ ереси бывъ и начнетъ проклинати свою ересь, иже не креститъ(ь) двема персты, яко Ис(ус) Христось, да будетъ проклять”».

л. 659: «Иже не крестить двѣма персто-ма, яко Христось, да будетъ проклять».

⁴¹ Подробно об их содержании: Сапожникова О. С. Новые сведения... С. 619—620.

«...на листу 575-м... Понеже правило первого вселенского собора 19 тако вси возгласиша купно: еже еретическое крещение нѣсть крещение, но паче осквернение, и повелевають таковых крестити святым крещением паки совершенно. Сия бо прияха святии отцы от самѣх самовидцев слову и премудрости божественных апостол, еже еретическое крещение не в крещение полагают...».

л. 575: «Правило первого вселенского собора, 19, и тако вси возгласиша купно: еже еретическое крещение — нѣсть крещение, но паче осквернение, и повелевають таковых крестити святым крещением паки совершенно. Сия бо прияха святии отцы от самех самовидцев слову и премудрости божественных апостол, еже еретическое крещение не в крещение полагают...».

Выписки, касающиеся обычая «коленного поклонения», заимствованы, как указывают книжники, из «древняго предания», т. е. Св. Писания: книг Левит, Царств, Паралипоменон, Маккавейских, Ездры, «Июдифине», Иова, пр. Даниила, Иисуса Сиравова, Иезекииля, Деяний и Посланий апостольских, Откровения Иоанна Богослова, Псалтири (псалмы 28, 94), а также Жития Богородицы Епифания, архиепископа Кипрского и Андрея, архиепископа Критского, Пролога (статьи на 2 февраля). Далее следуют выписки из печатного издания Слов Ефрема Сирина (М., 1647): «Преподобнаго отца Ефрема Сирина О покаянии слово 55, печатная книга, лист 152. Егда низложено бысть коленомо моима кланяние», «Ефрема Сирина Слово 52, лист 154 на обороте: Они в церковь идяху коленом на поклонение, аз же — сном дремах».

Тщательно сделана подборка из маленьких ссылок на текст печатной Лествицы (М., 1647), автор выписок Сергей Шелонин точно ссылается на листы издания, которое, как доказал Н. И. Николаев, он сам и подготовил к печати.⁴²

Азбуковник (РНБ, Сол. 18/18), л. 565
Маргиналии Сергия

«В Лествице лист 169: коленом частое преклонение».

«В той же книге лист 296: коленопреклонение в молитве».

Лествица Иоанна Синайского
с дополнительными статьями
(М., 1647)

л. 169: «Глаголю же, протяжение руку, персем биение, на небо чисто взирание, воздыханием плишь, *кольном частое прекланяние*, еже творити множицею ради ту сущих не могут...» (Слово о чистоте).

л. 296: «Старец же поим мене и приведе в кѣлию свою, и пребысть всю ночь въ молитвѣ упражняяся и *колена преклоняя*, отгнав бѣса от мене» («Повѣсть от отечника, зело полезна»).

⁴² Николаев Н. И. Об источниках московского издания Лествицы 1647 г. // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 48. С. 277—283.

Цитирование памятников сопровождается традиционными для полемических сочинений риторическими обращениями и замечаниями: «А аще кто *не тако благословляет и крестится*, буди проклят, буди проклят! (курсив мой. — О. С.)» (л. 562). «А вы разоряете вечныя обычаи о поклонех, от Адама наченшияся даже и до пришествия Христова бываемы!» (л. 564 об.).

В Скрижали и Служебниках, изданных во второй половине 50-х гг., помещались толковательные статьи и изображения двух видов крестного знамения, что противоречило единообразной для всей Руси традиции использовать двуперстное знамение во всех случаях. В Служебнике 1656 г. к статье «Главизны отвещательны от Послания архиепископа Константинополя и вселенскаго патриарха к святейшему российскому патриарху Никону, киими персты подобаеть всякому христианину на лице своем изображати образъ креста и како достоинъ архиерею благословляти или священнику мирян» на с. 740—744 на полях помещены два рисунка: голова человека и правая рука, пальцы которой сложены в двуперстие и троеперстие. В Скрижали 1656 г. на с. 737 на полях статьи «О еже коими персты десныя руки изображати крест» также помещены два рисунка с «двуперстием» и «троеперстием». Именно появление этого различия в русской церкви обличал автор полемической подборки: «А аще кто *не тако благословляет и крестится*, буди проклят, буди проклят!».

Об уменьшении числа коленопреклонений соловецкие книжники могли узнать также из Скрижали, где строго регламентировалось количество поклонов и коленопреклонений. Их количество существенно уменьшилось. В «Уставе поклонов» говорится: «...И бывает всех шестнадцать, а не седьмадесять, якоже пиште» (с. 744).

Новые печатные Скрижаль и Служебники содержали толковые статьи и изображения не привычного восьмиконечного, а четырехконечного креста на просфоре, который на Руси издревле называли «латинским крыжем», такое определение можно найти и в сочинениях Максима Грека (изображение четырехконечного креста см., например, в Служебнике 1655 г., с. 188).

Очевидно, что автор/авторы этой полемической подборки были хорошо знакомы с новыми никоновскими Служебниками и Скрижалью, — следовательно, на них не распространялся запрет архимандрита Илии знакомиться с содержанием новопечатных книг. По-видимому, изучив эти книги, они вынуждены были принять решение дополнить уже сформированный Азбуковник новой тетрадью, содержанию которой придавалось особое значение.

Все нововведения в богослужебных чинопоследованиях и обрядах, как было установлено историками церкви и литургистами,

были внесены никоновскими справщиками на основе срятинского Службника Гедеона Балабана и греческих венецианских печатных Евхологиев начала XVII в.⁴³ Приведение русской обрядности в согласие с греческой привело к неожиданной и необратимой реакции. Получилось, что самый простой и доступный любому сознанию способ выразить свою причастность к православному церкви (крестное знамение, причастие Святых Даров, поклоны и коленопреклонение на молитве) был изменен, и это вызвало отторжение реформы у самых разных слоев населения, и наиболее выражено в своей массовости и организованности — у старцев Соловецкого монастыря как носителей самого консервативного сознания. В центре внимания соловецких старцев оказалось прежде всего изменение обрядности. Более сложные, уходящие в историю уставов на Руси вопросы на этом этапе противостояния еще не были затронуты. Для изучения изменений в порядке чинопоследований на богослужении требовалась дополнительная подготовка: проведение текстологического сопоставления разных печатных изданий и рукописей, «харатейных» и бумажных, — именно такими видами книжных работ и будут заниматься в дальнейшем соловецкие книжники, создавая целые книги, а также челобитные, посвященные подробному разбору всех обнаруженных несоответствий.⁴⁴ Сергей же начал с самых актуальных и каждодневных обрядовых вопросов, информацию о которых можно было в очень короткий срок найти практически в любой книге Соловецкой библиотеки. В дальнейших сочинениях, вышедших из-под пера соловецких книжников, будет рассматриваться большой круг проблем и ссылки в этих работах будут даваться в том числе и на «Алфавит» Сергея Шелонина. На этот труд имеются указания в известном антиреформенном соловецком памятнике — «Сказании от божественного писания, от апостольского предания и правил святых отец и о новых книгах» (до сентября 1667 г.), созданном на основе тщательной текстологической работы по сопоставлению никоновских изданий и книг из Соловецкой библиотеки. Впоследствии это сочинение станет источником для знаменитой Пятой соловецкой челобит-

⁴³ Об этом подробно см.: *Дмитриевский А. А.* Исправление книг при патриархе Никоне и последующих патриархах // Языки славянских культур. *Studia Philologica*. М., 2004; *Никольский А. И.* История печатного Службника русской православной церкви // Журнал Московской патриархии. 1978. № 7, 9, 11. Научно-популярное исследование о различиях обрядности между старообрядческой церковью и РПЦ, см.: *Мельников Ф. Е.* Краткая история древлеправославной (старообрядческой) церкви. Барнаул, 1999.

⁴⁴ См. о деятельности Соловецкого старообрядческого книжного центра, а также библиографию по этому вопросу: *Бубнов Н. Ю.* Старообрядческая книга... С. 182—230.

ной, поданной царю Алексею Михайловичу осенью 1667 г., в ней также читаются ссылки на статьи лексикографического свода Сергия Шелонина.⁴⁵

Возвращаясь к мысли Л. С. Ковтун об охранной функции Азбуковников, можно выдвинуть следующее предположение: не случайно именно Азбуковник был избран местом хранения особой тетради с «опасным» материалом. Азбуковники предназначались для закрепления в традиции истинного порядка вещей. Азбуковник Сергия на третьем своем этапе развивает и совершенствует эту особенность жанра. И полемическая тетрабочка в составе Азбуковника Сол. 18/18 сохранила для будущих поколений тот порядок вещей, который, по замыслу ее создателя, должен быть вечным. Можно сказать, что Сергей рассчитал очень точно: спрятанная между листами Азбуковника «опасная» тетрадь сохранилась, она не привлекала до поры до времени внимания, не была изъята или уничтожена, и вот теперь, через несколько веков, исследователи благодаря ей могут узнать и об отношении выдающегося древнерусского книжника к церковной реформе, и о приверженности монастыря древней обрядности, и об основных, наиважнейших, с точки зрения носителей средневекового менталитета, моментах этой обрядности. Большинство антиреформенных сочинений и сборников, созданных в 50—70-х гг. в Соловецком монастыре, либо не сохранилось, либо сохранилось в испорченном или измененном состоянии (можно вспомнить «подчищенную» рукопись Трактата Герасима Фирсова), либо дошло в разрозненном виде, в поздних списках и в составе разных старообрядческих библиотек, но «опасную» тетрадь Сергия все книгохранители монастыря, сами того не зная, сберегли.

Таким образом, третий Азбуковник (РНБ, Сол. 18/18) становится еще одним доказательством антиниконовской позиции Сергия, его авторитета и ключевой роли в монастыре в первые годы идеологического противостояния реформам.

⁴⁵ Об источниках Сказания и Пятой соловецкой челобитной, среди которых находится и «Алфавит в десь дачи Сергия архимандрита Ипацкаго», см.: Бубнов Н. Ю. Старообрядческая книга... С. 304—321. А. Н. Левичкин установил, что в ссылках на «Алфавит» подразумевалась конкретная рукопись — третий Азбуковник Сергия (РНБ, Сол. 18/18), см.: Левичкин А. Н. Лексикографические труды... С. 48—49.